

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА ПАЛЕОЭТНОГРАФИИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

С. И. ВАЙНШТЕЙН

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ КУЛЬТУРЫ

(в связи с археологическими исследованиями в Туве)

Во второй половине VI в. в предгорьях Южного Алтая сложилась сильная группировка древнетюркских кочевых племен, во главе с родом ашина (тюрк)¹. В 551—555 гг. алтайским тюркам² удалось разгромить жуань-жуаней, по-видимому, монголоязычных³, которым они были подчинены⁴, и создать одно из крупнейших средневековых государств Центральной Азии — Тюркский каганат (551—744 гг.). В 552—573 гг. границы каганата на востоке достигли Корейского залива, на западе — Каспийского моря⁵. Северокитайские государства — Северное Ци и Северное Чжоу в это время превратились фактически в данников каганата⁶. И хотя в результате сложных социально-политических событий на рубеже VI—VII вв. каганат распался на Западный и Восточный, а в период с 630 по 682 гг. Восточнотюркский каганат не существовал как самостоятельное государство, на территориях, занятых алтайскими тюрками, развивались тесные культурные и этнические связи, существенно повлиявшие на формирование тюркоязычных народов Сибири и Средней Азии⁷.

¹ С. Г. Кляшторный, Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии, М., 1964, стр. 108—114; Л. П. Потапов, Народы Южной Сибири в VI—VIII вв., «Древняя Сибирь» (макет I тома «История Сибири»), Улан-Удэ, 1964, стр. 379.

² Здесь и далее термин «алтайские тюрки» употребляется в отношении упомянутого выше союза племен, т. е. в этническом, а не географическом его значении (позднее алтайские тюрки расселяются в частности на р. Орхон, следовательно, в указанном смысле и на Орхоне жили алтайские тюрки).

³ P. Pelliot, L'origine de T'ou-kiue; nom chinois des Turks, «T'oung Pao», vol. XVI, 1915, стр. 687—689; O. Franke, Geschichte des chinesischen Reiches, Bd. III, Berlin, 1937, стр. 310; С. Г. Кляшторный, Указ. раб., стр. 19.

⁴ Н. Я. Бичурин, Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I, М.—Л., 1950, стр. 228.

⁵ Н. Я. Бичурин, Указ. раб., стр. 228—229; К. В. Тревер, Кушаны, хиониты и эфталиты по армянским источникам IV—VII вв., «Сов. археология», т. 21, 1954, стр. 131—147; С. Г. Кляшторный, Указ. раб., стр. 20.

⁶ Н. Я. Бичурин, Указ. раб., стр. 229; С. Г. Кляшторный, Указ. раб., стр. 20.

⁷ Л. П. Потапов, Указ. раб., стр. 375—412; С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири, М., 1951, стр. 487—638; С. Г. Кляшторный, Указ. раб., стр. 13—18; А. Н. Бернштам, Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня, «Сов. археология», т. IX, 1949, стр. 337—384; А. Ю. Якубовский, Вопросы этногенеза узбекского народа, Ташкент, 1941.

Многие черты культуры, сложившиеся в кочевнической среде, распространились от Восточной Азии до Европы. В свою очередь ряд достижений культуры оседло-земледельческих народов становится достоянием кочевников. Известно, что в период Тюркского каганата получила распространение древнетюркская письменность⁸, новые виды конской упряжи, оружия, одежды, некоторые присущие алтайским тюркам обычаи, в числе которых были погребения человека с конем⁹, а преимущественно на территориях, занятых Восточнотюркским каганатом,— комплекс сооружений, связанных с погребальным культом мужчин-воинов — каменные изваяния людей, четырехугольные оградки, цепочки балбалов и другие.

Различным аспектам истории древних тюрков посвящена огромная литература. Вместе с тем, отдельные вопросы их истории, прежде всего истории культуры, исследованы еще далеко недостаточно и главным образом из-за сравнительно слабой изученности археологических памятников древних тюрков на различных территориях, куда они расселились в период Тюркского каганата, в особенности на «основных землях» их расселения (такowymi были, судя по наиболее полному комплексу представленных памятников,— Алтай¹⁰, Монголия, Тува, Киргизия, значительная часть Казахстана и Восточного Туркестана).

В последнее время в связи с интенсивным изучением археологических памятников Тувы накопился сравнительно большой материал, характеризующий культуру древних тюрков. Особую ценность в этом отношении имеют археологические исследования экспедиции Института этнографии АН СССР¹¹.

Как известно, до сих пор не обнаружены памятники, стратиграфия которых позволяла бы установить, если не абсолютную, то хотя бы относительную хронологию развития культуры древнетюркских кочевников евразийских степей. Поэтому важное значение приобретает датировка и периодизация погребальных комплексов. Весьма перспективной в этом отношении, как показали исследования А. А. Гавриловой на алтайском

⁸ А. Н. Бернштам, Древнетюркское письмо на р. Лене, «Эпиграфика Востока», 1951, вып. IV, стр. 81 (схема распространения рунического письма VI—IX вв.).

⁹ В историях Северного Чжоу (556—581 гг.) и Суй (581—618 гг.) отмечается, что тюрки хоронят по обряду трупосожжения (Н. Я. Бичурин, Указ. раб., т. I, стр. 220; Liu Ma u - T s a i, Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe), Bd. I, Wiesbaden, 1958, стр. 9—10. Но, видимо, еще в VI в. среди них начинает распространяться обряд погребения умершего в землю (курганы алтайских тюрков, содержащие такие погребения, известны с VI в.). О смене погребальных обычаев тюрков есть сообщение и в китайских источниках, относящееся к 628 г. (см. Liu Ma u - T s a i, Указ. раб., Bd. I, стр. 193). Однако в каганском роде обычай трупосожжения еще продолжал сохраняться. Так, каган Хели (628—630 гг.), попавший в плен к китайцам, был похоронен в 634 г. по тюркскому обряду трупосожжения (Н. Я. Бичурин, Указ. раб., т. I, стр. 256). Вероятно, и в VIII в. умерших членов каганского рода продолжали сжигать. Этим можно объяснить то обстоятельство, что все попытки найти могилы Кюль-Тегина и других представителей каганского рода в местах их погребения остались безрезультатными (Б. Я. Владимирцов, Этнолого-лингвистические исследования в Урге, Ургинском и Кентейском районах, «Северная Монголия», I, Л., 1927, стр. 41—42; Г. И. Боровка, Археологическое обследование среднего течения реки Толы, там же, стр. 76—79; L. J i s i, Vorbericht über archäologische Erforschung des Kül-tegin-Denkmal durch die tschechoslowakischmongolische Expedition des Jahres 1958, «Ural-Altaische Jahrbücher», Bd. XXXII, 1960, H. 1—2, стр. 65—77).

¹⁰ Алтай в этом отношении изучен лучше других территорий, см.: С. В. Киселев, Указ. раб., стр. 487—558; А. А. Гаврилова, Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен, М.—Л., 1965.

¹¹ Тувинская комплексная археолого-этнографическая экспедиция Ин-та этнографии АН СССР (далее: ТКЭАН), начальник экспедиции Л. П. Потапов. Опубликованы «Труды ТКЭАН» — т. I, М.—Л., 1960; т. II, М.—Л., 1966.

материале¹², является периодизация погребений, в частности, по изменениям в конской сбруе.

В результате проведенных нами в 1959 г. раскопок в могильнике Кокэль были впервые в Центральной Азии найдены уникальные, различающиеся по форме, разновременные древнетюркские седла¹³. Датировка этих седел на основе аналогий и типологической эволюции их формы может служить ценным источником для периодизации погребальных комплексов древнетюркской культуры Тувы. Вопрос происхождения и датировки древнетюркских седел с деревянным остовом тесно связан с общей проблемой происхождения жестких седел со стремянами, и вне ее не может быть решен.

Происхождение и датировка древнетюркских седел со стремянами

Широко распространенное мнение, что металлические стремяна впервые появились у центральноазиатских кочевников — гуннов, что ими стремяна были принесены в Восточную Азию и Западную Европу¹⁴.

Для характеристики облика гунна нередко приводят многократно издававшийся китайский рисунок, изображающий гунна, сидящего верхом на коне в седле со стремянами¹⁵.

В литературе встречаются указания на то, что стремяна были известны в Китае в ханьское время (202 г. до н. э. — 265 г. н. э.)¹⁶.

Точку зрения о появлении стремени в гунно-сарматскую эпоху пытался подтвердить на археологическом материале С. В. Киселев¹⁷. Наконец, Л. Р. Кызласов, также ссылаясь на археологические материалы, утверждает, что металлические стремяна были известны в гунно-сарматское время не позднее III в. н. э. Он же привел на рисунке два типа стремян, существовавших, по его мнению, в III в.¹⁸

А. Бивар также считает, что стремяна появились в Сибири до V в.¹⁹

Однако предположение о появлении стремян ранее VI в. не подтверждается материалами твердо датированных памятников.

Упомянутый выше известный китайский рисунок всадника-гунна, сидящего в седле со стремянами, не является документальным, так как он выполнен лишь в XIV в. Наличие же стремян на рисунке позволяет нам считать, и мы это покажем ниже, что если у художника и был более древний прототип данного рисунка, то он относится ко времени не ранее VI в. В связи со сказанным следует отметить, что на всех известных изображениях всадников вплоть до древнетюркского времени (до VI в.), где показано положение ног, они изображены свисающими с опущенным носком, т. е. без стремян. Ранее VI в. не известно ни одного твердо датированного изображения заседланной лошади, где можно было бы увидеть стремя.

¹² А. А. Гаврилова, Указ. раб., стр. 79—87.

¹³ С. И. Вайнштейн, Памятники второй половины I тысячелетия в западной Туве, «Труды ТКЭАН», т. II, стр. 292—347.

¹⁴ Дж. Г. Д. Кларк, Доисторическая Европа. Экономический очерк, М., 1953, стр. 307—308. Ср.: W. Ridgway, The Origin and Influence of the thoroughbred Horse, Cambridge, 1905, стр. 497—499.

¹⁵ Последнюю по времени публикацию рисунка см.: В. Ф. Каховский, Происхождение чувашского народа, Чебоксары, 1965, рис. 12.

¹⁶ M. Rostovtzeff, The animal Style in South Russia and China, Leipzig-London, 1929, pl. XXI11-4; S. W. Bushell, Chinese Art, London, 1910, vol. I, стр. 27.

¹⁷ С. В. Киселев, Указ. раб., стр. 517—518.

¹⁸ Л. Р. Кызласов, Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины, М., 1960, стр. 140, рис. 51—9, 10.

¹⁹ A. D. H. Bivar, The stirrup and its origin, «Oriental art», v. I, № 2, 1955, стр. 65.

Нам могут возразить, что имеется такое изображение на известной Чертомлыкской вазе, датируемой скифским временем (рис. 1). Действительно, на одном из фризов вазы мы видим заседланную лошадь, у которой как бы свисает стремя. В. Арендт считал, что на вазе изображены кожаные стремяна в форме петли — прототип позднейших металлических²⁰. Но достаточно взглянуть на Чертомлыкскую вазу, чтобы убедиться, что на вазе изображено не стремя и не петля его заменявшая, а свисающий тонкий конец подпружного ремня, очень правдиво показанный древним художником²¹.

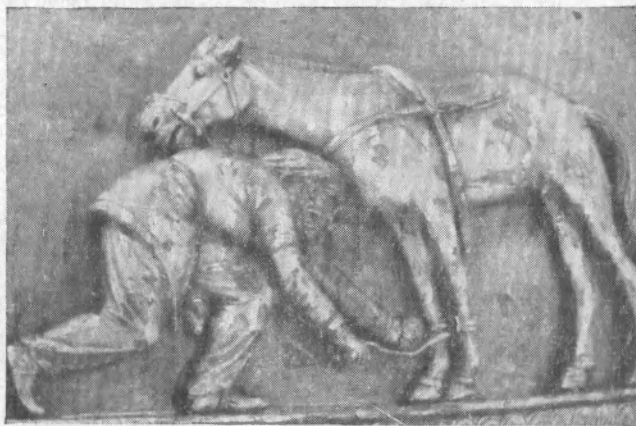

Рис. 1. Деталь фриза Чертомлыкской вазы (Гос. Эрмитаж)

Не являются обоснованными и указания на находки в Китае стремян и их изображений, относящихся к ханьскому времени²².

Вместе с тем, можно полагать, что еще до изобретения стремян существовали различные приспособления, облегчавшие посадку на коня больным, раненым и т. п. Такие приспособления были по-видимому очень индивидуальны и применялись лишь в исключительных случаях, вероятно, поэтому они до сих пор не найдены в погребениях. Если наше предположение верно, то такие приспособления — «подножки» должны были быть только на одной стороне коня, — на той, с которой садились в седло. В этом отношении особый интерес вызывает золотая парная бляха из Сибирской коллекции Петра I²³. На бляхе мы видим двух

²⁰ W. W. Arendt, Sur l'apparition de l'étrier chez les scythes, «Eurasia Septentrionalis Antiqua», IX, Helsinki, 1934, стр. 206—208.

²¹ Ошибки некоторых исследователей вызваны, видимо, тем, что на копиях Чертомлыкской вазы, в том числе на экспонируемой в Гос. историческом музее (Москва), оседланный конь на фризе вазы показан со стремевиной петлей, которой нет на подлиннике (Гос. Эрмитаж). На подлиннике вазы эта часть подпруги выполнена тонкой пластинкой в форме ремня, верхний конец которой припаян к вазе, а нижний свободно свисает.

²² М. Ростовцев приводит фотографию бронзовых стремян из Китая, которые он предположительно датирует ханьским временем (Указ. раб., табл. XXIII—4, стр. XIV). Но эти стремяна, хранящиеся в Музее Филда в Чикаго, являются случайными находками, а их датировка Ростовцевым ошибочна. Судя по форме они отлиты во второй половине I тысячелетия н. э. Без достаточных оснований указывает на существование в I в. до н. э. в Китае стремян и С. Бушел (Указ. раб., стр. 27). Рельеф, на который он ссылается, не имеет изображений стремян.

²³ С. И. Руденко, Сибирская коллекция Петра I, М.—Л., 1962, табл. VII, рис. 7.

оседланных лошадей и трех человек — двух мужчин и женщину. Двое мужчин только что приехали, повесили колчан на ветку дерева. Один из них держит чумбуры коней, а другой лежит, уронив плетень, его голова на коленях сидящей женщины. На левой стороне подпруги одного из коней четко показана большая петля, которая вполне могла служить подножкой при подъеме, по-видимому, раненого всадника в седло²⁴.

Видимо, такое приспособление — «подножку» в исключительных случаях применяли вплоть до изобретения стремян в VI в. Об этом свидетельствуют недавние чрезвычайно интересные археологические находки из Чанша (Китай)²⁵ в гробнице № 21, твердо датированной по штампу на кирпичках (текст штампа гласит: «сделано в десятый день пятой луны второго года Юн-нин», т. е. в 302 г. н. э.)²⁶. В этой гробнице найдено 14 погребальных статуэток оседланных лошадей, тринадцать из них со всадниками. Ноги всех всадников свободно свисают, но у трех из всадников спереди с левой стороны лошади видны треугольные стрелевидные приспособления — «подножки»²⁷. Во время езды ими не пользовались, так как и у тех всадников, где это приспособление есть, ноги свободно свисают ниже этого приспособления (оно находится примерно посередине голени всадника). Особенно интересна одна статуэтка без всадника, на которой отчетливо видно приспособление для подъема на лошадь. Оно имеется только с одной — левой стороны²⁸.

Из изложенного очевидно, что ременная или металлическая «подножка», применявшаяся до середины первого тысячелетия н. э., не может рассматриваться как стремя, так как она не несла главной функции стремени — упора для ног при езде. Очевидно также и то, что садились на лошадь с левой стороны — обычай, дошедший до наших дней²⁹.

Чем же обосновывают С. В. Киселев и Л. Р. Кызласов свою точку зрения о появлении стремян ранее VI в.?

Вывод С. В. Киселева о появлении стремян в гунно-сарматское время основан не на археологических находках в датированных комплексах, а лишь на том основании, что в Минусинском музее хранятся миниатюрные изображения стремян, случайно найденных на среднем Енисее³⁰. Из этого же исходит и Л. Р. Кызласов, считающий, что поскольку позднее III в. миниатюрные модели вещей не встречаются в погребениях, то случайно найденные «миниатюрные стремена следует относить, самое позднее, к уйбатскому этапу»³¹, т. е. III в. Но в том-то и дело, что модели стремян не находили в погребениях, поэтому и датировать

²⁴ У некоторых групп оленеводов, заимствовавших верховую езду у коневодов еще в то время, когда последним не было известно стремя, поныне сохранилось седло без стремян. У охотских эвенков, например, больные, беременные женщины иногда пользуются при подъеме в седло ременной подножкой — петлей, расположенной справа. Охотские эвенки садились на оленя справа, так как посох, на который они при этом опираются, удобнее держать в правой руке.

²⁵ «Музей провинции Хунань. Отчет о раскопках захоронений эпохи Цзинь и южных династий в Чанша», «Каогу сюэбао», 1959, № 3, стр. 75—105 (на кит. языке).

²⁶ Там же, стр. 85.

²⁷ Там же, стр. 85, табл. XI—1, XII—3.

²⁸ Там же, табл. XIII—5.

²⁹ Мы не можем разделить предположение М. П. Грязнова, что в скифское время садились на коня с правой стороны (М. П. Грязнов, Первый Пазырыкский курган, Л., 1950, стр. 58). Этому противоречит, на что обратил внимание С. И. Руденко («Культура населения Горного Алтая в скифское время», М.—Л., 1953, стр. 155), то обстоятельство, что узду одевали с левой стороны и с левой же стороны располагался чумбур. То, что большинство людей правши (а не левши), видимо, послужило причиной посадки на коня слева.

³⁰ С. В. Киселев, Указ. раб., стр. 517—518.

³¹ Л. Р. Кызласов, Указ. раб., стр. 140.

по погребальному инвентарю их, разумеется, нельзя. Если позднее III в. votivные модели вещей и не найдены в погребениях на среднем Енисее³², то изготовление миниатюрных моделей вещей (в ритуальных целях, как игрушки и т. п.) сохранялось у народов Саяно-Алтая, в том числе и на среднем Енисее, вплоть до начала XX в. Кстати, еще не так давно тувинские кузнецы делали миниатюрные стремяна в качестве игрушек.

Вместе с тем существует широкий круг источников, свидетельствующих о том, что ни гуннам, ни какому-либо другому народу в гунно-сарматское время стремяна не были известны.

Прежде всего отметим, что ни в одном археологическом комплексе гунно-сарматского времени ни в Азии, ни в Европе не были найдены стремяна, в том числе в погребениях гуннов, хотя многократно находили положенную в погребения конскую упряжь (удила, остатки мягких седел и др.)³³. Тот факт, что стремяна не встречаются в погребениях гунно-сарматского времени, находится в полном соответствии с довольно многочисленными изображениями всадников, которые могут быть датированы этим временем. Так, ни на одном изображении всадников в искусстве античного Рима нет стремян, нет их и у всадников на царских наскальных рельефах и изображениях на серебряной посуде сасанидского Ирана (до VI в.)³⁴, хотя сасанидская боевая конница считалась лучшей на переднем Востоке. Для большого круга наскальных изображений всадников на территории Средней Азии и Сибири³⁵, которые могут быть датированы гунно-сарматским временем, также характерна поза со свободно свисающими вниз ногами. В такой же позе изображены всадники и в памятниках искусства Восточной и Юго-Восточной Азии ханьского времени³⁶ и позднее, до VI в.³⁷

Когда же были изобретены стремяна? Мы считаем возможным датировать изобретение стремян VI в., связывая их появление в это время от Кореи и Китая до восточноевропейских степей с распространением древнетюркской культуры. В это время стремяна встречаются на огромной территории евразийских степей, причем древнейшие твердо датирован-

³² На верхнем Енисее обычай класть в погребение votivные модели вещей засвидетельствован археологически, и в памятниках VI—VIII вв. В Туве найдены в курганах древнетюркского времени votivные модели сосудов, железного тесла и др. См. С. И. Вайнштейн, Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве, стр. 302, табл. V, рис. 1; А. Д. Грач, Археологические раскопки в Монгун-Тайге и исследования в Центральной Туве (полевой сезон 1957 г.), «Труды ТКАЭН», т. I, стр. 47, рис. 49.

³³ С. И. Руденко, Культура хунну и ноинулинские курганы, М.—Л., 1962, стр. 48—51; Ц. Доржсурэн, Северные хунну, Улан-Батор, 1961 (на монг. языке).

³⁴ И. А. Орбели, К. В. Тревер, Сасанидский металл, М.—Л., 1935, табл. 59, 12—15 и др.; Р. В. Кинжалов, Р. Г. Луконин, Памятники культуры сасанидского Ирана, Л., 1960, рис. 1, 3, 4 и др. На сасанидском металле и позднее VI в., наряду с изображением стремян, например (Я. И. Смирнов, Восточное серебро, СПб., 1909, табл. XXXIII), встречаются изображения всадников без стремян, но это, несомненно, дань традиции.

³⁵ С. И. Вайнштейн, Некоторые итоги работ археологической экспедиции Тувинского НИИЯЛИ в 1956—1957 гг., «Уч. записки ТНИИЯЛИ», т. VI, Кызыл, 1958, табл. 1, рис. 2—4.

³⁶ См. например: «Материалы раскопок погребений у горы Шичжай близ Цзиньни-на провинции Юньнань», Пекин, 1959, рис. на стр. 48—51, 58, 79, 80, 82, 83 (на кит. языке).

³⁷ A. L. Hetherington, The Early ceramic wares of China, London, 1924. Здесь опубликована, в частности, статуэтка всадницы, едущей в седле без стремян (табл. IV), относящаяся к эпохе Северное Вэй (IV—VI вв.). К этому же времени относятся некоторые росписи пещеры Дуньхуан, где также изображены всадники без стремян. См.: «Дуньхуанские фрески. Альбом», Пекин, б/г., табл. 6 (на кит. яз.).

ные находки стремян или их изображений от Китая до Венгрии относятся ко второй половине VI в.³⁸ Китайский археолог Лю Хань и ряд других китайских археологов считают, что конская упряжь, включающая стремяна, проникла к китайцам от северных кочевников³⁹. Если учесть, что во второй половине VI в. северокитайские государства являлись фактически данниками Тюркского каганата, то этими северными кочевниками были тюрки-тюкю. Авары, которые принесли в Европу в VI в. стремяна, также заимствовали их, по-видимому, от тюкю.

Одно из ранних изображений всадника со стремянами известно в росписи гробницы Муёнчхон в северной Корее⁴⁰. Гробницы с росписями датируются IV—VI вв.⁴¹ По вопросам датировки гробницы Муёнчхон и времени появления стремени в Корее (эти вопросы взаимосвязаны) среди археологов КНДР нет единого мнения⁴². Когурёсцы находились в тесных хозяйственных и культурных отношениях с другими странами⁴³, и поэтому трудно допустить, чтобы такое важное изобретение, как стремяна, если бы оно появилось здесь ранее VI в., не распространилось бы у других народов и, в частности, в соседнем Китае⁴⁴.

В известных к настоящему времени древнетюркских погребениях Центральной Азии стремяна появляются в начале второй половины первого тысячелетия. Особый интерес в этом отношении представляет Кудыргинский могильник на Алтае. В древнетюркских курганах этого могильника, датируемых VI—VII вв., найдены железные стремяна, но на обкладке луки седла (могила № 9)⁴⁵ всадники неожиданно оказались изображенными со свисающими ногами. Это объяснимо тем, что стремяна лишь начинают входить в употребление и на рисунках конская упряжь и всадники изображены еще по старой традиции без стремян.

Есть все основания считать, что стремяна первыми начали широко применять алтайские тюрки. При этом следует учитывать не только то, что они были кочевниками-коневодами, проводившими значительную часть жизни в седле, но и то, что у них было высоко развито мастерство добычи и обработки железа. Не случайно в кочевнической среде Центральной Азии они были известны как «плавильщики»⁴⁶. Вместе с тем,

³⁸ J. H a m p e l, *Altertümer des frühen Mittelalters in Ungarn*, Braunschweig, 1905, Bd. I, стр. 217. В Китае наиболее древняя находка погребальных статуэток всадников со стремянами (ноги всадника в стремянах) относится к 582 г. См.: В а н Ю й - ц и н, Предварительное сообщение о раскопках погребения Ли Хэ (династия Суй) в дер. Шуаншэнцунь уезда Саньюань пров. Шэньси, «Вэнью», 1966, № 1, стр. 27—42, рис. 21—26 (на кит. яз.). Первое упоминание стремян в европейских письменных источниках относится к концу VI в. См.: Маврикий, *Тактика и стратегия*, СПб., 1903, стр. 17.

³⁹ Л ю Х а н ь, *Погребальные статуэтки, изображающие всадников в латах эпохи северных династий*, «Каогу», 1959, 2, стр. 97 (на кит. языке).

⁴⁰ «Культурное наследие Кореи. Альбом», Пхеньян, 1956, табл. 4 (на кор. языке).

⁴¹ Р. Ш. Д ж а р ы л г а с и н о в а, Монуменгальная живопись древнекогуресских гробниц, «Проблемы востоковедения», 1959, № 1, стр. 113—119.

⁴² Археолог Ким Ен Чжун предварительно датировал указанную гробницу серединой IV в. (Ким Ен Чжун, *Исследование живописи когурёских гробниц*, Пхеньян, 1959, стр. 148, на кор. языке); археолог Чу Ен Хон допускает сооружение данной гробницы в начале V в. (Чу Ен Хон, К вопросу о датировке когуресских гробниц, содержащих настенную живопись, Пхеньян, 1961, стр. 123 (на кор. яз.)). Однако другие ученые КНДР не исключают, что стремяна появились в Корее в VI в. («Каогу туньсюнь», 1957, № 1, стр. 60, на кит. языке).

⁴³ Р. Ш. Д ж а р ы л г а с и н о в а, Когурёсцы (историко-этнографическое исследование), «Восточно-азиатский этнографический сборник», II, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. LXXIII, М., 1961, стр. 176—216.

⁴⁴ Наиболее древнее датированное изображение стремян в Китае относится к 554—557 гг. См.: E. Chavannes, Six monuments de la sculpture Chinoise, «Ars Asiatica», II, 1914, pl. XXXIX—XLI.

⁴⁵ А. А. Г а в р и л о в а, Указ. раб., табл. XV, рис. 12; табл. XVI, рис. 1.

⁴⁶ Н. Я. Б и ч у р и н, Указ. раб., стр. 228.

на форму стремени, вероятно, повлияли металлические приспособления для посадки в седло, появившиеся ранее в Восточной Азии.

Древнетюркские стремени представлены двумя основными формами: 1) восьмеркообразной с широким отверстием для ноги и узким для ремня, 2) в виде полуовала, в верхней части которого расположена суженная у основания пластинка с горизонтальным отверстием для ремня (иногда пластинка соединена с остальной частью стремени стерженьком). Стремени имели широкую подножку. Обе формы существовали в тюркской среде одновременно⁴⁷. Эти формы были известны также в Европе и Восточной Азии. При общей устойчивости форм в тюркской среде встречаются и их варианты. Видимо, изредка использовались упрощенные стремени с отверстием в расплющенной верхней части⁴⁸.

Стремени, как правило, делали из железа, в очень редких случаях из бронзы. Бронза отнюдь не свидетельствует о древности стремени. Тувинцы, например, обычно коуют их из железа, но иногда отливают из бронзы⁴⁹. В начале второго тысячелетия широкое распространение получают стремени несколько иной формы — с горизонтальным отверстием в уплощенной дужке⁵⁰.

Появление стремени не было изолированным явлением в изменении конской упряжи в древнетюркское время. Оно было непосредственно связано с изобретением седла с твердым остовом, ранняя форма которого оставалась до последнего времени неизвестной.

У древних коневодов Евразии — скифов и гуннов — седла были мягкими. О форме и устройстве скифского седла можно достаточно хорошо судить по сохранившимся изображениям⁵¹, а также по великолепным находкам в Пазырыкских курганах⁵². Оно состояло из потника, двух кожаных подушек с деревянными дужками по краям, подпруги, нагрудного и подхвостного ремня (европейские скифы употребляли седло и без подхвостного ремня, на Чертомлыкской вазе он не изображен). Седла гуннов не известны. В Кенкольском могильнике (Киргизия)⁵³ найдена лука седла гунно-сарматского времени — слабо выгнутая и узкая, имеющая сходство с пазырыкской и явно предназначенная для мягкого седла. В курганах Ноин-Улы сохранились две пары небольших деревянных луков, соединявшихся между собой палочками⁵⁴. С. И. Руденко считает их

⁴⁷ Нередко оба типа стремян встречаются в одном погребении. Тува: Улуг-Хову № 54, раскопки С. А. Теплоухова, 1928 (ГЭ. № 4576-26, 4576-24); Черби, Курган № Б-23 (С. И. Вайнштейн. Некоторые итоги работ археологической экспедиции Тувинского НИИЯЛИ в 1956—1957 гг., стр. 219, табл. IV, рис. 122, 123). Подобные случаи известны на Алтае: Катанда II, курган 5 (А. А. Гаврилова, Указ. раб., рис. 8) и других территориях.

⁴⁸ Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев, Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г., «Труды Гос. исторического музея», вып. XVI, М., 1941, рис. 26.

⁴⁹ См. С. И. Вайнштейн, Народные способы металлического литья у тувинцев, «Сов. этнография», 1956, № 4, стр. 151, рис. 3.

⁵⁰ А. А. Гаврилова, Могилы поздних кочевников у горы Суханихи на Енисее, «Сов. археология», 1964, № 2, стр. 167, рис. 3 — 1.

⁵¹ На вазе, рукояти меча и золотой обкладке пожен из Чертомлыкского кургана (И. Толстой и Н. Кондаков, Указ. раб., рис. 69, 114—116, 123), на золотых бляхах из Сибирской коллекции Петра I (С. И. Руденко, Сибирская коллекция Петра I, табл. VII, рис. 1, 7), на двух бронзовых бляхах из Ордоса (A. Salmony, Sino-Siberian art in the collection of C. T. Loo, Paris, 1933, табл. XXI, 1—2) и некоторых других предметах (M. O. Dalton, The Treasure of the Oxus, London, 1905, табл. VIII, IX; «Известия Археологической комиссии», СПб., 1913, вып. 49, табл. 11).

⁵² М. П. Грязнов, Указ. раб., стр. 55—58; С. И. Руденко, Культура населения Горного Алтая в скифское время, стр. 161—171.

⁵³ А. Н. Бернштам, Кенкольский могильник, Л., 1940, табл. XXXVI.

⁵⁴ С. И. Руденко, Культура хунну и понулинские курганы, стр. 49, табл. XXIV, рис. 3.

луками выючных седел⁵⁵. Но по всей вероятности это остатки верхового седла с мягкими кожаными подушками, внутри которых находились деревянные планки, делавшие седло более прочным.

О форме седла гунно-сарматского времени в Восточной Азии можно судить, в частности, по ханьской погребальной статуэтке оседланного коня⁵⁶. В центре седла отчетливо изображено углубление, характерное для мягких седел, по краям седла две сравнительно невысокие луки.

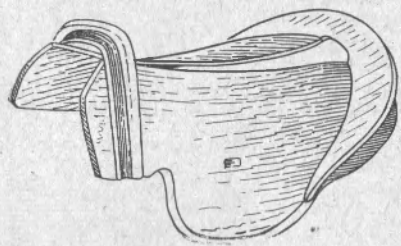

Рис. 2. Деревянный остов седла из Могильника Кокэль. Тува (курган № 2, раскопки автора)

Как уже отмечено выше, в результате раскопок, проведенных нами в могильнике Кокэль в Западной Туве в 1959 г., были обнаружены в разновременных древнетюркских погребениях различающиеся по форме восемь верховых конских седел с деревянным остовом⁵⁷. Находки древнетюркских седел впервые дают возможность с достаточной полнотой проследить отдельные этапы их развития, начиная с

древнейших типов⁵⁸. Найденные в Кокэле седла состоят из деревянных передних и задних луков и двух полок ленчика. По особенностям формы седла делятся на четыре типа. Первый — наиболее ранний — представлен двумя седлами из кургана КЭ-23. Полки ленчика овальные в нижней части. Передняя лука изогнута слабее, чем у седел других типов. Одна из задних луков имеет арочный вырез, у другой его нет. Второй тип представлен двумя седлами из КЭ-6 и КЭ-13. Для полок характерен вырез в нижней передней части. Задняя лука имеет небольшой арочный вырез в верхней части. Третий тип представлен седлом из КЭ-2 (рис. 2). Его полки отличаются глубоким вырезом в передней нижней части и небольшим овальным вырезом в задней части, в результате чего образовалась широкая лопасть. Передняя лука не имеет арочного выреза, на задней луке он отчетливо выражен. Четвертый тип представлен седлами из курганов КЭ-22 и КЭ-47. Полки этих седел имеют глубокие вырезы в передней и задней нижней части, в результате которых форма лопасти более узкая, чем у третьего типа. Передняя и задняя лука имеют арочные вырезы с выступами по краям арки. Таким образом, мы видим фактически непрерывную линию развития древнетюркских седел у населения западной Тувы, соорудивших курганы в могильнике Кокэль вблизи пос. Алды-Ишкин (Ишкин).

Возникает вопрос — являются ли формы рассмотренных седел только местными или же они отражают развитие седла у широкого круга народов и какова их датировка?

Очертания полок седел первого типа имеют еще отдаленное сходство с формой кожаных подушек мягких седел⁵⁹. На Алтае, судя по костяной обкладке передней луки седла из могильника Кудыргэ (могила 9)⁶⁰,

⁵⁵ С. И. Руденко, Культура хунну и ноинулинские курганы, стр. 49.

⁵⁶ «Exhibition of burial clay figures of ancient China in Tenri university museum», Токио, 1963, рис. 7.

⁵⁷ С. И. Вайнштейн, Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве, стр. 292—347.

⁵⁸ Рассматриваемые ниже этапы развития конструкции и форм седла вносят коррективы в периодизацию типов передней луки седла, предложенную Гавриловой, ср.: А. А. Гаврилова, Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен, стр. 84—87, рис. 17.

⁵⁹ См. С. И. Руденко, Культура населения Горного Алтая..., табл. XXXI, рис. 2.

⁶⁰ А. А. Гаврилова, Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен, стр. 85, рис. 17—1.

седла с передними луками без арочного выреза бытовали в конце VI—VII вв.⁶¹, но передняя лука из КЭ-23, также не имеющая арочного выреза, более архаичного облика⁶². На древнетюркском рисунке на валуне из Кудыргэ⁶³ в нижней части композиции показана лошадь, седло которой имеет луки и овальные в нижней части деревянные полки или подушки (стремья у седла нет). О том, что древнейшие седла были без ло-

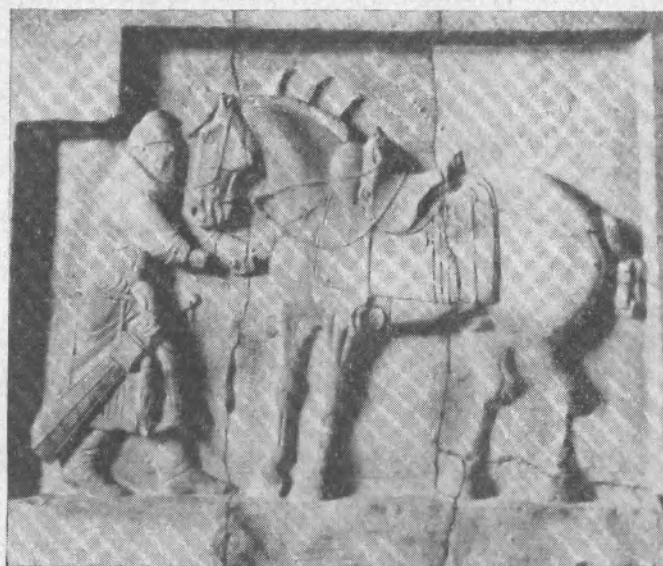

Рис. 3. Барельеф на гробнице императора Тай Цзуна, Китай. (Филадельфийский музей)

пастей, свидетельствуют также довольно многочисленные погребальные статуэтки из Восточной Азии эпох Шести северных династий (до 618 г.), на которых ни разу не изображены седла с лопастями. Но уже в тридцатых годах VII в. начинают пользоваться значительно более усовершенствованным третьим типом седла, у которого деревянные полки в нижней части переходят в широкую лопасть. Именно такие седла были изображены на барельефах гробницы китайского императора Тай Цзуна (627—650 гг.), выполненных по его указанию в 637 г. в провинции Шэньси близ столицы Танской империи⁶⁴. К этому типу седел, по-видимому, относится и седло, изображенное на каменной фигуре всадника из кургана в бывшем Бердянском уезде на юге России⁶⁵.

⁶¹ Там же.

⁶² Изгиб передних луков значительно увеличился при переходе от мягких к жестким седам (от полуовала к арочной форме).

⁶³ А. А. Гаврилова, Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен, табл. VI, рис. 2.

⁶⁴ Четыре барельефа находятся в настоящее время в Сианьском городском музее (КНР), два в Музее университета г. Филадельфия (США), копии двух барельефов экспонируются в Музее искусств народов Востока (Москва). Этот тип седел был, по-видимому, заимствован китайцами у тюрков. Примечательно, что воин, выгаскивающий стрелу у раненого коня (рис. 3), изображен в одеянии тюркского облика. См. также Liu Ma u - Ts ai, Указ. раб., стр. 458—470.

⁶⁵ «Отчет Археологической комиссии за 1904 г.», СПб., 1907, стр. 124, рис. 216 а, б. Подлинник хранится в Гос. историческом музее (Москва).

Однако и седла второго типа исчезают не сразу, во всяком случае в Восточной Азии они сосуществуют с седлом третьего типа по крайней мере до середины VII в.⁶⁶

На Северном Кавказе в склепе Галиатского могильника Е. И. Крупновым было найдено седло третьего типа. Склеп датируется началом VIII в.⁶⁷

Остатки седел четвертого типа (накладки на передние и задние луки) обнаружены во время недавних раскопок в северо-восточном Китае в провинции Жэхэ, где они датируются 960—961 гг.⁶⁸ К четвертому типу относится также седло хранящееся в Гос. Эрмитаже (колл. № 30—

632, место находки седла неизвестно), ошибочно датированное XIII—XIV вв. Оно несомненно более раннее.

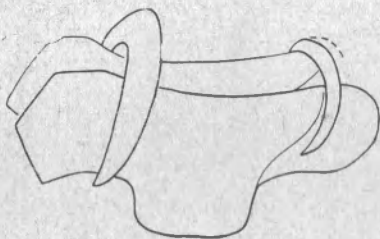

Рис. 4. Деревянный осто́в седла из кургана у с. Бородаевка. Нижнее Поволжье (раскопки И. В. Сеницына)

Седло, найденное И. В. Сеницыным в позднекочевническом погребении в Нижнем Поволжье,⁶⁹ имеет переходную форму от третьего к четвертому типу (рис. 4).

Седла с лопастями, судя по изображениям на погребальных статуэтках, покрывали кожей, яркой орнаментированной тканью⁷⁰.

Судя по изображениям на росписях⁷¹, барельефах⁷² и погребальных статуэтках⁷³, стременной ремень (путлище)

располагался у передней луки (впереди нее). На погребальных статуэтках из восточного Туркестана стременной ремень изображен привязанным к передней части полки седла⁷⁴ (рис. 5), а на танской статуэтке из музея Метрополитен в Нью-Йорке⁷⁵ стременной ремень изображен перекинутым через полки седла перед луками (рис. 6) и, видимо, закрепленным там.

Специально женских седел в начальный период их развития, вероятно, не было. По-видимому, какая-то часть тюркских женщин продолжала еще длительное время пользоваться мягкими седлами. Об этом, в частности, свидетельствует находка в женском погребении могильника Кудыргэ накладки на переднюю луку седла⁷⁶, близкую по форме к лужкам седел скифского и гунно-сарматского времени. Предположение, что

⁶⁶ «Гаочанская керамика», Пекин, 1934, табл. 56 (на кит. языке).

⁶⁷ Е. И. Крупнов, Галиатский могильник как источник по истории алан-оссов, ВДИ, 1933, № 2, стр. 116, Седло хранится в Гос. историческом музее, колл. № 77803. Передняя лука седла из этого могильника воспроизведена в работе А. А. Гавриловой («Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен», рис. 17, 3) неверно.

⁶⁸ «Каталог выставки важнейших раскопок 5 провинций», Пекин, 1958, табл. 108, 109 (на китайском яз.).

⁶⁹ И. В. Сеницын, Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья, «Уч. записки Саратовского гос. ун-та», 1947, XVII, стр. 130—131; фотография седла имеется в архиве Ленинградского отд. Ин-та археологии, 1939, арх. № 15, ф. 35, оп. 1.

⁷⁰ «Танские погребальные статуэтки. Из раскопок 1952—1964 гг. в провинции Шэньси», Пекин, 1964, табл. 16 (на кит. языке); A. Stein, Innermost Asia. Detailed report of explorations in Central Asia, Kan-su and eastern Iran, III, Oxford, 1928, табл. XCV, XCIII.

⁷¹ «Дуньхуанские фрески. Альбом», табл. № 51.

⁷² O. Siren, Указ. раб., стр. 93; A. Stein, Указ. раб., табл. XCIII, XCV.

⁷³ C. Hentze, Les Figurines de la céramique Funéraire, II, Dresden, б/г, табл. 85-а.

⁷⁴ A. Stein, Указ. раб., табл. XCIII, XCV.

⁷⁵ C. Hentze, Указ. раб., табл. 85-а.

⁷⁶ А. А. Гаврилова, Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен, табл. 13, рис. 36. Гаврилова допускает ошибку, относя накладку на луку арочной формы жесткого седла (Кудыргэ, мог. 9) и накладку на слабо изогнутую луку вероятно мягкого седла (Кудыргэ, мог. 13) к одному типу, там же, рис. 17.

это было мягкое седло подтверждается тем, что положенный в могилу оседланный конь не имел стремян.

На рубеже первого и второго тысячелетия на основе жестких седел с лопастями и низкими луками⁷⁷ вырабатываются новые формы, в которых твердая лопасть повсеместно исчезает (полки в нижней части становятся прямыми, а луки более массивными и высокими). О дальнейшей эволюции форм седел свидетельствуют седла из позднекочевнических погребений Тянь-Шаня, позднеаланских (XI—XII вв.) катакомбных могил Северного Кавказа, монгольские седла XIII—XIV вв. На Тянь-Шане седло имеет полки с прямым обрезом в нижней части и более массивные луки⁷⁸. Седла из катакомб у станицы Змейской на Северном Кавказе также имеют полки без лопастей и более высокие и массивные передние луки. По находкам остатков седел в змейских катакомбах можно проследить смену форм задних луков, произошедшую на Северном Кавказе в XI—XII вв. Низкие луки, характерные для седел VI—X вв., сменяются более высокими, типичными для поздних седел. В змейских могилах представлены оба типа задних луков⁷⁹. Монгольское седло XIII—XIV вв. также имеет полки с прямым обрезом в нижней части, высокую массивную переднюю луку и широкую массивную заднюю. Такое седло найдено С. В. Киселевым в погребении XIII—XIV вв. на р. Хирхира в Забайкалье⁸⁰.

О том, как выглядело монгольское седло на коне, дает полное представление статуэтка всадника эпохи юаньской династии⁸¹. В монгольском средневековом седле (рис. 8—1, 2), произошедшем от древнетюркского, нет твердых лопастей. Их заменяют кожаные лопасти-крылья, под

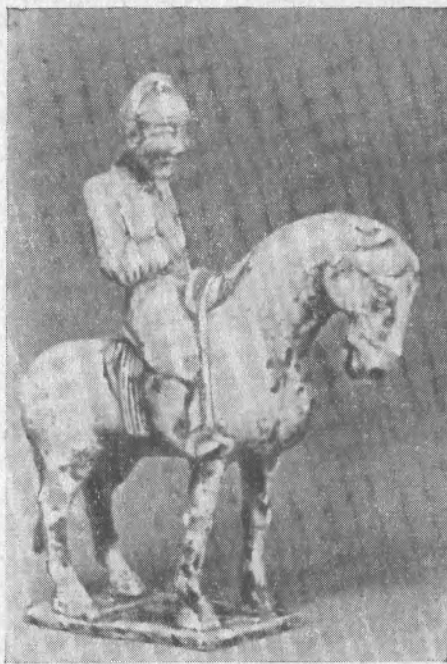

Рис. 5. Погребальная статуэтка танского времени. Китай (Метрополитен музей, Нью-Йорк)

⁷⁷ С. В. Киселев в тайнике кыргызского кургана № 6 у с. Копены, датируемом VII—VIII вв., обнаружил бронзовые бляхи, изображающие всадников (С. В. Киселев, Указ. раб., табл. LVII, рис. 1—4). На рельефах хорошо видны передние низкие луки. Поэтому трудно объяснить, чем была вызвана реконструкция в Гос. историческом музее (Москва) передней луки седла, украшенной бляхами из Копен, которая выполнена очень высокой и широкой, что несомненно неверно. Полагаю, что парные бляхи, найденные в Копенах, предназначались не для украшения луки седла.

⁷⁸ А. К. Кибиров, Работа Тянь-Шаньского отряда, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», XXVI, 1957, стр. 86, рис. 3.

⁷⁹ О Змейском могильнике см.: В. А. Кузнецов, Змейский катакомбный могильник (по раскопкам 1957 г.), «Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии», Орджоникидзе, 1961, стр. 62—135. Изложенные нами выводы об эволюции форм седел из Змейской основаны на изучении их нами в фондах Гос. историч. музея (колл. № 96299).

⁸⁰ Седло хранится в Читинском областном музее, колл. № 8097/7.

⁸¹ «Иллюстрированный справочник произведений культуры в раскопках, сделанных во время капитального строительства в Китае», Пекин, 1954, т. I, рис. 95 (на кит. языке).

которыми посредине седла проходит путлище. Дальнейшая эволюция монгольского седла привела к той его новой форме (рис. 8—3, 5), которая поныне сохраняется у монголов и тувинцев. Современные монгольские и тувинские седла включают также богато орнаментированное кожаное крыло — *тепсе* (тув.) — далекий пережиток твердой лапасты седла древних тюрков⁸².

Рассмотренным нами этапам развития седла с твердым остовом противоречат данные, приводимые С. В. Киселевым и Л. Р. Кызласовым.

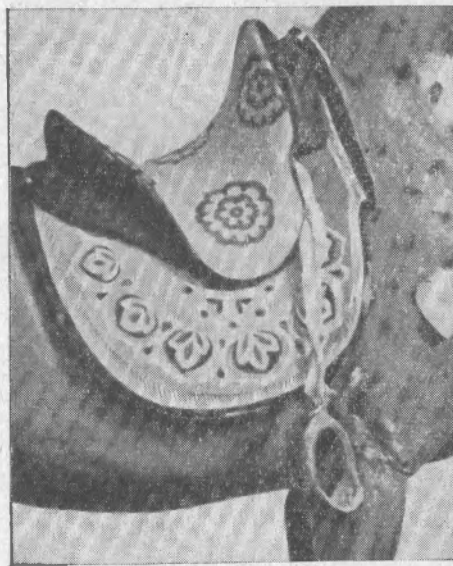

Рис. 6. Деталь погребальной статуэтки танского времени из Восточного Туркестана (по А. Стейну)

Л. Р. Кызласов пишет, что седло с жесткой основой и цельной жесткой лукой арочного типа было известно в «сырском этапе», датируемом им I—II вв. н. э.⁸³ При этом Кызласов ссылается на находку берестяной обкладки такой луки, опубликованную Киселевым⁸⁴. Но нет никаких доказательств того, что этот берестяной предмет, по очертаниям напоминающий, как справедливо отметил Киселев, луки, характерные для современных седел Южной Сибири⁸⁵, действительно служил берестяной обкладкой луки седла. Приведенные выше данные о длительном развитии форм седла неоспоримо свидетельствуют о том, что этот берестяной предмет имел иное назначение.

Л. Р. Кызласов опубликовал также три окованные медным ободком железные пластины — части накладок на переднюю высокую арочную луку седла, напоминающего современные его формы⁸⁶. Кызласов указывает, что накладка была найдена в древнетюркском погребении, раскопанном С. А. Теплоуховым в Туве в 1926 г. в кургане № 54 в местности Улуг-Хову⁸⁷. Такая форма противоречит совокупности данных о форме древнетюркских седел. Но ознакомление с подлинниками материалов Теплоухова не дает возможности убедиться в достоверности опубликованных Кызласовым данных⁸⁸.

Рассматривая вопросы, связанные с появлением стремени и жесткого седла, нельзя не отметить, и других изменений в конской упряжи,

⁸² У современных седел крыло прикрывает часть стременного ремня.

⁸³ Л. Р. Кызласов, Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины, стр. 140.

⁸⁴ С. В. Киселев, Указ. раб., табл. XXXVI, рис. 1. Киселев также считал этот предмет обкладкой луки седла и относил появление седла с твердым остовом к таштыкской эпохе, см. там же, стр. 434.

⁸⁵ Там же, стр. 434.

⁸⁶ Л. Р. Кызласов, Тува в период Тюркского каганата (VI—VIII вв.), «Вестник МГУ», серия IX, вып. I, 1960, стр. 54, табл. 1, рис. 8.

⁸⁷ Там же, стр. 75.

⁸⁸ В коллекции из раскопок С. А. Теплоуховым кургана № 54 (1), Улуг-Хову 1926 г., которая хранится в Гос. Эрмитаже, имеется только одна железная пластина, окованная по краю медью. Эта пластина со следами облома, массивна, треугольна в сечении и имеет размер всего около 7×2 см (Гос. Эрмитаж, колл. № 4576—30). В описи, составленной Теплоуховым и приложенной к коллекции, также числится одна пластина. Нет рисунка двух других пластин и в дневниках и отчетах Теплоухова (Гос. музей этнографии, архив, фонд 3, оп. 7, д. 80, лл. 39—45; архив ЛОИА, ф. 2, дело № 231, стр. 53).

в том числе изменения формы удил и псалий, что получило детальную разработку в труде А. А. Гавриловой⁸⁹.

Использование стремени и седла с твердым остовом сделало возможным появление нового оружия — сабли, которая распространилась в древнетюркской среде, по-видимому, еще в начале VII в. Древнейшая форма сабли была реконструирована Л. А. Евтюховой по ее изображениям на древнетюркских каменных изваяниях воинов⁹⁰. Сабля известна в памятниках кочевников VII—VIII вв. от Центральной Азии до Восточной Европы⁹¹.

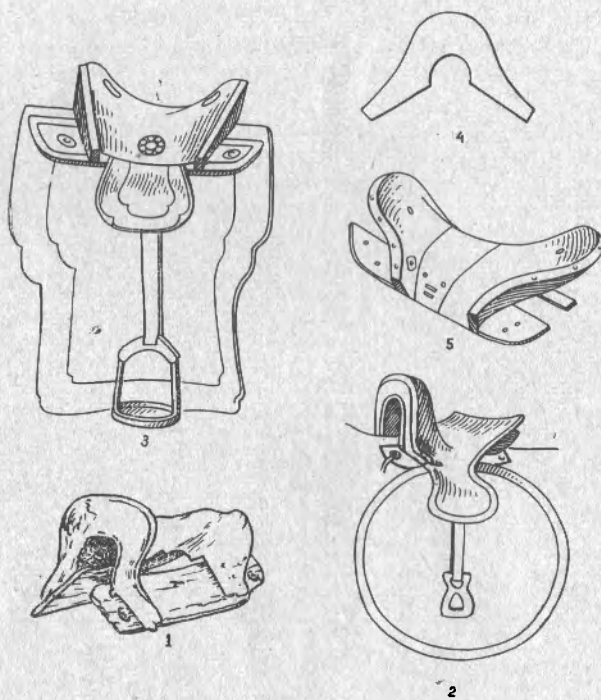

Рис. 8. Эволюция формы монгольского седла. 1 — деревянный остов седла. XIII—XIV вв. (из погребения на р. Хирхира, раскопки С. В. Киселева); 2 — седло XIII—XIV в. (рисунок автора по изображению на погребальной статуэтке юаньского времени из Шэньси); 3 — современное седло; 4 — передняя лука современного седла; 5 — деревянный остов современного седла (по полевым рисункам автора).

Изобретение жесткого седла и стремени было крупным событием в истории материальной культуры. Это открытие, в частности, создало возможность для всадника преодолевать за короткий срок гораздо большие расстояния, чем прежде, значительно усилило основу боевой мощи кочевников — ее конницу, что способствовало активизации кочевников в степных просторах Евразии со второй половины первого тысячелетия.

⁸⁹ А. А. Гаврилова, Могильник Кудэргэ как источник по истории алтайских племен, стр. 80—84.

⁹⁰ Л. А. Евтюхова, Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии, «Материалы и исследования по археологии СССР», № 24, 1952, стр. 110—112.

⁹¹ J. Hampe, Указ. раб., Bd. I, стр. 814; Bd. III, табл. 276-18, 277-1; W. Arendt, Türkische Säbel aus dem VII—IX Jahrhundert, «Archaeologia Hungarica», t. XVI. Budapest, 1935, стр. 40 и сл.

Этапы развития древнетюркской культуры Тувы

О проникновении алтайских тюрков в Туву свидетельствуют археологические памятники и, прежде всего, появление на территории Тувы нового не свойственного сыин-чюрексской культуре (II в. до н. э. — V в. н. э.)⁹² типа памятников-погребений человека с конем⁹³, а также распространение здесь характерных для тюрков-тюкю сооружений, связанных с погребальным культом (изваяния, оградки, балбалы и др.)⁹⁴.

Памятники алтайских тюрков встречаются в Туве только в степных и горно-степных районах. В ее северо-восточной части (Тодже) их нет, так как алтайские тюрки там не селились (обитавшие в Тодже племена дубо были этнически близки уйгурам)⁹⁵, но некоторые связи с дубо у тюрков-тюкю существовали⁹⁶. Основным источником для изучения этапов развития древне-тюркской культуры в Туве служат погребения. Древнетюркские курганы в Туве раскапывались А. В. Андриановым (1915—1916 гг.), С. А. Теплоуховым (1926, 1927, 1929 гг.)⁹⁷,

⁹² С. И. Вайнштейн, Тува в эпоху разложения первобытнообщинного строя и возникновения классового общества, в кн. «История Тувы», т. 1, М., 1964, стр. 35—54; сго же, Некоторые итоги работ археологической экспедиции Тувинского НИИЯЛИ в 1956—1957 гг., стр. 217—237, табл. IV.

⁹³ С. И. Вайнштейн, Очерк этногенеза тувинцев, «Уч. записки. ТНИИЯЛИ», вып. V, Кызыл, 1957, стр. 183. Коня в погребениях иногда заменяли бараном — особенно в детских погребениях, но клали в могилу обычно и стремена и части упряжи. Если человек погибал вдали от родины, сооружали курганы-кенотафы.

⁹⁴ Л. А. Евтюхова, Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии, стр. 77—96, а также стр. 102—120; А. Д. Грач, Древнетюркские изваяния Тувы (по материалам исследований 1953—1960 гг.), М., 1960.

⁹⁵ С. И. Вайнштейн, Тувинцы-тоджинцы, М., 1961, стр. 20—36.

⁹⁶ Н. Я. Бичурин, Указ. раб., т. I стр. 301; С. И. Вайнштейн, Тувинцы-тоджинцы, стр. 28—29.

⁹⁷ Материалы А. В. Андрианова находятся в Музее Томского университета (№ 6041). Отчеты и дневники С. А. Теплоухова хранятся в Гос. музее этнографии, материалы — в Гос. Эрмитаже. Древнетюркские курганы, включавшие погребения человека и коня, раскопаны Теплоуховым: в 1926 г. № 24 у с. Успенского (ГМЭ, ф. 3, оп. 7, № 79; ГЭ, колл. 4566), № 54 и 55 в Улуг-Хову (ГМЭ, ф. 3, оп. 1, № 80; ГЭ, колл. № 4576), в 1927 г. № 16 (75), 25 (84), 31 (90) на склонах горы Бай-Даг вблизи г. Шагнар (ГМЭ, ф. 3, оп. 7, № 154). Отдельные предметы из раскопок Теплоухова опубликованы Кызласовым (Л. Р. Кызласов, Тува в период Тюркского каганата (VI—VIII вв.)), но с существенными ошибками. Так, трехлопастная стрела из кургана № 31 (90) у горы Бай-Даг изображена с дугообразно выгнутыми в нижней части лопастями (там же, табл. 1, рис. 15), а они имеют заостренный к черешку прямой срез (ГЭ, колл. № 4732-3); удила из кургана № 54 Улуг-Хову показаны на рисунке однокольчатыми, а стержневые псалии с округлыми скобами (там же, табл. 1, рис. 4), в действительности внешние стороны колец не сохранились и удила, возможно, были двухкольчатыми, псалии же имеют не округлые, а прямоугольные скобы (ГЭ, № 4576-33). Кызласов отнес к периоду Тюркского каганата жернов каменной ручной мельницы из кургана № 31 (90) у горы Бай-Даг, отметив, что «жернов лежал под насыпью на борту могильной ямы, по-видимому, женского погребения» (там же, стр. 54) и что жерновом пользовались в тюркское время (там же, стр. 55). Сообщение о том, что жернов лежал на борту могильной ямы и что погребение, вероятно, женское — снимало возможное сомнение в принадлежности жернова древнетюркскому погребению в кургане. Однако, как указывает Теплоухов (ГМЭ, архив, ф. 3, оп. 1, дело 154, л. 63), жернов был найден в насыпи в 1,5 м от ее центра на глубине 0,3 м (высота насыпи 0,5 м). Поблизости в насыпи был найден другой предмет (железная мотыга позднего облика, которую Кызласов не решился отнести к погребению). Курганы были почти целиком ограблены — кости и вещи перемешаны. Погребение никак не могло принадлежать женщине, так как в нем найден мужской гребень для расчесывания усов и бороды, встречающийся именно в мужских погребениях, и боевые стрелы, которые тюрки-тюкю в женские погребения никогда не клали. Кстати, находки жерновов ручных мельниц в насыпях древнетюркских курганов очень часты, — во всех известных случаях они принадлежали впускным погребениям тувинцев (до начала XX в.). О накладке на лук седла см. примеч. 88 в данной статье.

С. И. Вайнштейном (1953—1960 гг.)⁹⁸, А. Д. Грачом (1957—1960 гг.)⁹⁹.

Первый опыт систематизации археологических памятников Тувы древнетюркского времени был опубликован нами в 1958 г.¹⁰⁰ Там были приведены основные типы памятников, в том числе два основных типа погребений этого времени: 1) в курганах с округлыми грунтовыми могилами, включающими погребения человека и коня¹⁰¹; в курганах с подпрямоугольными грунтовыми могилами, включающими погребения человека без коня¹⁰², а также основной инвентарь из этих погребений¹⁰³. Причем погребения с конем связывались нами с алтайскими тюрками как свидетельство их проникновения в Туву¹⁰⁴.

В 1960 г. Л. Р. Кызласов опубликовал статью, посвященную Туве в эпоху Тюркского каганата¹⁰⁵, но этапы развития древнетюркской культуры в Туве не выявил.

А. Д. Грач при публикации материалов раскопок 1958 г. высказал предположение, что древнетюркские памятники с ориентировкой погребенных на восток — более ранние (VII—VIII вв.), а по оси север — юг — поздние (VIII—X вв.)¹⁰⁶, однако, как отметила еще А. А. Гаврилова¹⁰⁷, это предположение не подтверждается материалом погребений, так как и в более ранних, и в более поздних памятниках встречаются оба вида ориентировки.

Предлагаемое нами выделение этапов развития древнетюркской культуры Тувы (в кратком изложении, ограниченном рамками журнальной статьи), основано на изменении некоторых форм материальной культуры в погребальном инвентаре. При этом учтена весьма ценная разработка Гавриловой ряда вопросов периодизации культуры поздних кочевников Горного Алтая¹⁰⁸.

Первый этап в истории древнетюркской культуры в Туве датируется начальным периодом ее распространения в Центральной Азии, т. е. концом VI — началом VII в.

Среди раскопанных нами памятников к этому этапу относится курган КЭ-23. В нем был погребен мужчина-воин с оружием, утварью и двумя оседланными лошадьми¹⁰⁹. На возможность датировать курган первым

⁹⁸ С. И. Вайнштейн, Археологические раскопки в Туве в 1953 г., «Уч. записки НИИЯЛИ», вып. 2, Кызыл, 1954, стр. 148—154, табл. VII—VIII; его же, Некоторые итоги работ археологической экспедиции Тувинского НИИЯЛИ, стр. 218—221, 223, 237.

⁹⁹ А. Д. Грач, Археологические раскопки в Монгун-Тайге и исследования в Центральной Туве (полевой сезон 1957 г.), стр. 17—48; его же, Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге (полевой сезон 1957 г.), там же, стр. 120—144; его же, Археологические раскопки в Сут-Холе и Бай-Тайге, «Труды ТКАН», т. 2, стр. 96—99.

¹⁰⁰ С. И. Вайнштейн, Некоторые итоги работ археологической экспедиции Тувинского НИИЯЛИ в 1956—1957 гг., стр. 233, табл. IV, рис. 112—138.

¹⁰¹ Там же, табл. IV, рис. 112—114.

¹⁰² С. И. Вайнштейн, Некоторые итоги работ археологической экспедиции Тувинского НИИЯЛИ в 1956—1957 гг., табл. IV, рис. 115.

¹⁰³ Там же, табл. IV, рис. 117—135.

¹⁰⁴ Там же, стр. 233.

¹⁰⁵ Л. Р. Кызласов, Тува в период Тюркского каганата (VI—VIII вв.), стр. 51—76. Опубликованные в моей статье («Некоторые итоги работ археологической экспедиции Тувинского НИИЯЛИ в 1956—1957 гг.») материалы по выделению археологических памятников древнетюркского времени в Туве были использованы в указанной работе Кызласова, но без какого-либо упоминания моей статьи.

¹⁰⁶ А. Д. Грач, Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге, стр. 148.

¹⁰⁷ А. А. Гаврилова, Могилиник Кудыргэ, как источник по истории алтайских племен, стр. 65.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ С. И. Вайнштейн, Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве, стр. 302—304, рис. 19—22, табл. VI—VII.

этапом указывает весь комплекс погребального инвентаря, в том числе древнейшая из найденных в могильнике Кокэль форма седла, датируемая нами VI — началом VII в., роговые псалии с двумя большими отверстиями для ремней оголовья (такие псалии, известные еще в скифское время, например в Пазырыке, бытуют до древнетюркского времени и в VIII в. выходят из употребления), наконец, положенный в могилу сложный лук с длинными концевыми накладками еще близок по форме гуннскому луку. Другие найденные в этом кургане предметы не противоречат предложенной нами датировке.

Первый этап мы назвали ишкинским (по поселку Ишкин, вблизи которого расположен могильник Кокэль). Погребения ишкинского этапа соответствуют наиболее ранним могилам кудыргинского типа в Горном Алтае¹¹⁰. Дальнейшее выявление и изучение памятников ишкинского этапа даст более полное представление о характере культуры древних тюрков в начальный период их расселения в Туве.

В конце VI — начале VII в. в Туве распространяется также комплекс древнетюркских сооружений, связанных с погребальным культом — изваяния, оградки, балбалы. В горном Алтае, куда тюрки-тюки проникли, вероятно, тогда же, когда и в Туву, древнетюркские оградки уже сооружались в конце VI — начале VII в. (в одной из оградок найдены длинные концевые накладки на лук)¹¹¹.

Ко второму этапу — VII—VIII вв. относятся раскопанные нами в могильнике Кокэль курганы КЭ-2,¹¹² КЭ-6¹¹³ и КЭ-13¹¹⁴. Курганы КЭ-6 и КЭ-13 сооружены, видимо, в начале второго этапа, так как в них найдены седла, бытовавшие в первой половине VII в. В КЭ-13 был положен лук с плоскими двусторонними концевыми накладками, выходящими из употребления в конце VIII в.¹¹⁵ КЭ-2 — более поздний, так как в нем найдено седло, бытовавшее со второй четверти VII в.

Второй этап мы называем ак-туругским по курганам А-1 и А-5, раскопанным нами в 1957 г. в могильнике Ак-Туруг, включавшим характерный для VII—VIII вв. инвентарь¹¹⁶.

К ак-туругскому этапу относится большая часть раскопанных в Туве погребений алтайских тюрков. Из раскопанных нами курганов к этому этапу могут быть, помимо упомянутых, также отнесены Ак-Довурак № 3¹¹⁷, Черби № Б-23¹¹⁸. Из раскопанных Теплоуховым — этим временем датируются № 16 и 31 у горы Бай-Даг, № 1(54), 2(55) у Улуг-Хову¹¹⁹. Из раскопанных А. Д. Грачом курганов и курганов-кенотафов МТ-57-XXXI, МТ-57-XXXII, МТ-58-V, МТ-58-VIII, МТ-58-X¹²⁰.

¹¹⁰ А. А. Гаврилова, Могильник Кудырге как источник по истории алтайских племен, стр. 22—43.

¹¹¹ Там же, табл. III, рис. 3.

¹¹² С. И. Вайнштейн, Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве, стр. 294—296, рис. 3—5, табл. I.

¹¹³ Там же, стр. 296—297, рис. 6—8, табл. II.

¹¹⁴ Там же, стр. 297—300, рис. 9—11, табл. III, IV.

¹¹⁵ Укороченные концевые накладки на лук у уйгуров сохраняются позднее, о чем свидетельствуют их находки в уйгурских погребениях VIII—IX вв. в Туве (раскопки С. А. Теплоухова, 1927, могильник в долине р. Чаты).

¹¹⁶ С. И. Вайнштейн, Некоторые итоги работ археологической экспедиции Туvinского НИИЯЛИ в 1956—1957 гг., стр. 220—221, табл. IV, рис. 112—114, 121, 124, 128, 135.

¹¹⁷ Там же, стр. 223.

¹¹⁸ Там же, стр. 219.

¹¹⁹ См. примеч. 97 к данной статье.

¹²⁰ А. Д. Грач, Археологические раскопки в Монгун-Тайге и исследования в Центральной Туве, стр. 31—33, 40—48; его же, Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге, стр. 120—129, 139—143. В рецензии Л. Р. Кызласова на первый том «Трудов ТКЭАН» («Сов. этнография», 1961, № 4, стр. 225—230) наряду с некото-

К первой половине ак-туругского этапа относятся раскопанные Грачом погребения МГ158-Х (среди других предметов здесь найдены костяные концевые накладки на лук¹²¹) и МГ-58-VIII¹²², включавший однокольчатые удила с ранней формой металлических стержневых псалий с уплощенной лопастевидной нижней частью, аналогичные найденным в кургане КЭ-13.

Ко второй половине этого этапа относятся раскопанные Теплоуховым курганы № 1 (54) в Улуг-Хову¹²³ и № 16 (75) у горы Бай-Даг¹²⁴.

Древнетюркская культура Тувы на ак-туругском этапе претерпевает существенные изменения, особенно заметные в конской упряжи — появляется и распространяется новая форма седел с лопастями; полностью исчезают роговые псалии без скобы; наряду с костяными широкое распространение получают железные подпружные пряжки. Меняется и оружие, в частности прекращается бытование луков с концевыми накладками; появляется и распространяется сабля, но сохраняются мечи и кинжалы. Большая часть каменных изваяний, известных в Туве, относится к этому этапу. Аналогично развивается культура тюрок-тюкю в Горном Алтае¹²⁵ и на других территориях их расселения¹²⁶.

К третьему этапу — VIII—X вв. из раскопанных нами в могильнике Кокэль курганов мы относим КЭ-22¹²⁷ и КЭ-47¹²⁸. В этих курганах най-

рыми, не вызывающими возражений замечаниями, касающимися датировки раскопанных экспедицией курганов, содержится ряд ошибочных рекомендаций. Так, например, достаточно четко датируемый гунно-сарматским временем курган КХ-58-IV («Труды ТКАН», т. I, стр. 96—99, рис. 29—32), Кызласов предлагает отнести «к первому этапу древнехакасского периода (IX—X вв.)» («Сов. этнография», 1961, № 4, стр. 228), хотя как и по обряду, так и по инвентарю, среди которого найдены части типично гуннского лука, этот курган бесспорно датируется сыин-чюрекской культурой (II в. до н. э. — V в. н. э.).

¹²¹ А. Д. Грач, Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге, стр. 123—129.

¹²² Там же, стр. 120—123.

¹²³ С. А. Теплоухов, Дневник археологических раскопок в районе Седен-Терек, Архив ГМЭ, ф. 3, оп. I, № 80, лл. 39—45; Гос. Эрмитаж, колл. № 4576.

¹²⁴ С. А. Теплоухов, Описание раскопанных могил на склоне горы Бай-Даг, Архив ГМЭ, ф. 3, оп. I, № 154, Гос. Эрмитаж, колл. № 4695.

¹²⁵ А. А. Гаврилова, Могильник Кудырге как источник по истории алтайских племен, стр. 79—98.

¹²⁶ Особое место занимает вопрос о памятниках древнетюркской енисейской письменности в Туве. С. В. Киселев считал, что они, принадлежали енисейским кыргызам, и датировал их VI—VII вв. (С. В. Киселев, Указ. раб., стр. 612 и др.). Касаясь этого вопроса мы отмечали, что в указанное время Тува не входила в состав кыргызского государства и потому памятники енисейской письменности в Туве до середины IX в., когда Тува была завоевана кыргызами, не могли быть кыргызскими, хотя и не отрицали возможности, начиная с IX в. принадлежности части из них кыргызам (С. И. Вайнштейн, Об исторических границах расселения кыргызов в Южной Сибири, «Уч. записки ТНННЯЛИ», вып. V, Кызыл, 1957, стр. 215—219). Кызласов присоединился к точке зрения Киселева и на том основании, что часть из stel установлен на рядом с курганами кыргызов, завоевавших Туву в IX в., отнес почти все енисейские памятники к IX—XI вв. (Л. Р. Кызласов, Новая датировка памятников енисейской письменности, «Сов. археология», 1960, № 3, стр. 98—120). Выводы Кызласова встретили ряд возражений с точки зрения лингвистики (Н. А. Батманов, О датировке енисейских памятников древнетюркской письменности, «Уч. записки ТНННЯЛИ», вып. X, Кызыл, 1963, стр. 291—302). Если стелы действительно устанавливали у курганов, где были погребены люди, в честь которых высекали надпись-эпитафию, то необъяснимо, почему стелы бесспорно ставившиеся только знатым и богатым, находятся нередко рядом с очень бедными курганами. Часть stel обнаружена у курганов, явно не кыргызских по обряду. Вопросы твердой датировки памятников енисейской письменности остаются открытыми. См. также: С. И. Вайнштейн, Курганы и стелы с древнетюркской надписью в урочище Хербис-Баары, «Уч. записки ТНННЯЛИ», вып. X, 1963, стр. 264—267.

¹²⁷ С. И. Вайнштейн, Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве, стр. 301—302, рис. 12—18, табл. V.

¹²⁸ Там же, стр. 304—311, рис. 23—26, табл. VIII.

дены седла характерные для VIII—X вв. В кургане КЭ-47 обнаружена костяная подпружная пряжка с заостренным носиком и боковыми вырезами, совершенно аналогичная пряжкам, известным в погребениях VIII—X вв. на Алтае¹²⁹. В курганах КЭ-47 и КЭ-22 найдена поздняя форма стержневых псалий с отогнутыми утолщенными концами и своеобразные двукольчатые удила (КЭ-22), получившие распространение лишь в VIII—IX вв. Сохранение в КЭ-47 однокольчатых удил можно рассматривать как пережиток исчезающих форм.

Мы именуем третий этап кара-чогинским — по названию урочища, где нами был раскопан курган, включавший погребение VIII—IX вв. (Кара-Чога № 4)¹³⁰.

К этому же этапу можно отнести раскопанные Грачом курган МТ-57-XXVI и курган-кенотаф МТ-58-IV¹³¹, в которых найдены удила, получающие распространение в VIII—IX вв., а также МТ-57-XXXVI и БТ-59-1.

Рис. 9. Форма блях и лировидных подвесных пряжек, совместно встречающихся на наборных поясах. 1 — на изображениях на каменных изваяниях из Тувы (по Л. А. Евтюховой и А. Д. Грачу); 2 — на поясе, найденном в кургане в Туве (Кара-Чога № 4); 3 — на поясе, найденном в Жэхэ. 960—961 гг.

В курганах, содержащих древнетюркские погребения человека с конем (или бараном), животные лежат слева от человека и ориентированы головой в противоположную сторону. Исключение составляет курган Кара-Чога № 4, где конь лежал справа и был ориентирован в ту же сторону, что и человек. Ориентировка погребенных людей там, где она была твердо установлена, преимущественно в направлении между В и С¹³², исключение составляют лишь два кургана (Кара-Чога № 4 — ориентировка на СЗ и Бай-Даг № 16 (75) — ориентировка на ЮВ). После крушения Тюркского каганата в 744 г. и установления господства уйгуров вряд

¹²⁹ А. А. Гаврилова, Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен, табл. XXXI, рис. 67, 70.

¹³⁰ С. И. Вайнштейн, Археологические раскопки в Туве в 1953 г., стр. 148—154; табл. VII, VIII. Этот курган был нами датирован по инвентарю VIII—IX вв. (Там же, стр. 149.) Однако Кызласов отнес его к VI—VIII вв. (Л. Р. Кызласов, Тува в период Тюркского каганата (VI—VIII вв.) табл. 1), ничем не аргументируя. А. А. Гаврилова также считает, что рассматриваемый курган не может относиться к VIII—IX вв., так как найденный в нем наборный пояс существовал по ее мнению, до VIII в. (А. А. Гаврилова, Могильник Кудыргэ..., стр. 96). С этим нельзя согласиться, так как подобные пояса были очень широко распространены вплоть до первой половины X в. Например, совершенно аналогичный нашему пояс, включавший точно такие же, но не бронзовые, а золотые лировидные пряжки и наборные бляхи был найден в гробнице в Жэхэ, датированной 960—961 гг. («Каталог выставки важнейших раскопок...», табл. 107, рис. 3). В нашей статье «Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве» (стр. 330) допущена опечатка: вместо «ишкисский» следует читать «кара-чогинский» этап.

¹³¹ А. Д. Грач, Археологические раскопки в Монгун-Тайге и исследования в Центральной Туве, стр. 18—31; его же. Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге, стр. 129—139.

¹³² На восток: МТ-57-IX, МТ-57-XXVI, МТ-57-XXXVII, МТ-58-X, КЭ-6; на север — МТ-57-XXXVI, МТ-58-VIII, КЭ-2, КЭ-13, БТ-59-1; на северо-восток (северо — северо-восток): Ак-Туруг № А-5, КЭ-22, КЭ-23, КЭ-47.

ли сразу же произошли заметные изменения в материальной культуре оставшихся в Туве потомков алтайских тюрок. Лишь прекратил, вероятно, свое существование погребальный культ мужчин-воинов, включавший обычаи установки балбалов по числу убитых врагов. Бывшие завоеватели жили теперь под властью своих победивших противников.

Рассматривая развитие культуры алтайских тюрок, мы говорили лишь о погребениях человека с конем (или бараном)¹³³ и соответствовавших им кенотафах. Однако нельзя не обратить внимание на то, что почти 90% раскопанных в Туве погребений с конем оказались погребениями мужчин-воинов. Вероятно, мужчину-воина по обычаям тюкю нельзя было хоронить без коня (а мальчика — без барана, заменявшего коня), женщину же, видимо, иногда хоронили и без коня, тем более, что она могла быть и чужеродной в среде алтайских тюрок. Таково, возможно, раскопанное нами погребение богатой женщины (Черби, № Б-18)¹³⁴. Отсутствие коня в погребении женщины, включающем характерный для алтайских тюрок инвентарь, не может в таких случаях служить единственным основанием, чтобы исключать ее принадлежность к среде алтайских тюрок, живших в Туве.

Ни уйгурское, ни позднее кыргызское завоевание Тувы не привело к вытеснению с ее территории жившей здесь группы алтайских тюрок, которая сохраняла свою культуру и свои обычаи, в частности погребальные, и поддерживала тесные отношения с родственным населением Горного Алтая. Характерно, что в то время, как погребальные обычаи уйгуров (катакомбы) и кыргызов (трупосожжение) не получили в Туве распространения, обычаи алтайских тюрок — погребение с конем, несколько видоизменившись, дожил до XVII—XVIII вв. (как правило, впускные погребения в насыпи старых курганов), распространившись почти на всю территорию Тувы. Нам уже приходилось отмечать, что это одно из доказательств участия алтайских тюрок в этногенезе современных тувинцев¹³⁵. Видимо, алтайские тюрки, поселившиеся в Туве, не принадлежали к одному роду или даже племени и этим, видимо, можно объяснить то, что наименование одной из крупных родоплеменных групп степных тувинцев — тюлюш, восходящей, по всей вероятности, к древним алтайским тюркам Тувы¹³⁶, было первоначально не племенным названием, а термином, отражавшим военно-территориальное устройство Тюркского каганата (восточное крыло — тюлюш, западное — тардуш)¹³⁷.

Таковы некоторые выводы, касающиеся истории древнетюркской культуры, сделанные в связи с археологическими исследованиями последних лет¹³⁸.

¹³³ Иногда в могилу клали несколько коней и баранов.

¹³⁴ С. И. Вайнштейн, Некоторые итоги работ археологической экспедиции Тувинского НИИЯЛИ, стр. 218—219, табл. IV, рис. 115, 130, 131—133, 134; в тексте статьи ссылки на таблицу сделаны правильно, но в пояснении к рисункам на таблице допущена опечатка.

¹³⁵ См. С. И. Вайнштейн, Очерк этногенеза тувинцев, стр. 185.

¹³⁶ Там же, стр. 186. Вероятно, еще в древнетюркское время тюлюш — *tölös* уже служил этнонимом, отмеченным в орхонских памятниках. См.: W. Radloff, *Die Altürkischen Inschriften der Mongolei*, Bd. II, СПб., 1895, стр. 426.

¹³⁷ И. Н. Ключкин, Новые данные о племени телесов и тардушей, «Вестник Дальневосточного отдела АН СССР», № 1—2, 1932, стр. 91—97; Л. Н. Гумилев, Алтайская ветвь тюрок-туго, «Сов. археология», 1959, № 1, стр. 105.

¹³⁸ Приношу глубокую благодарность за консультации, полученные мною при работе над китайскими текстами О. Н. Глухаревой и М. В. Крюкову и над корейскими Р. Ш. Джарылгасиновой.

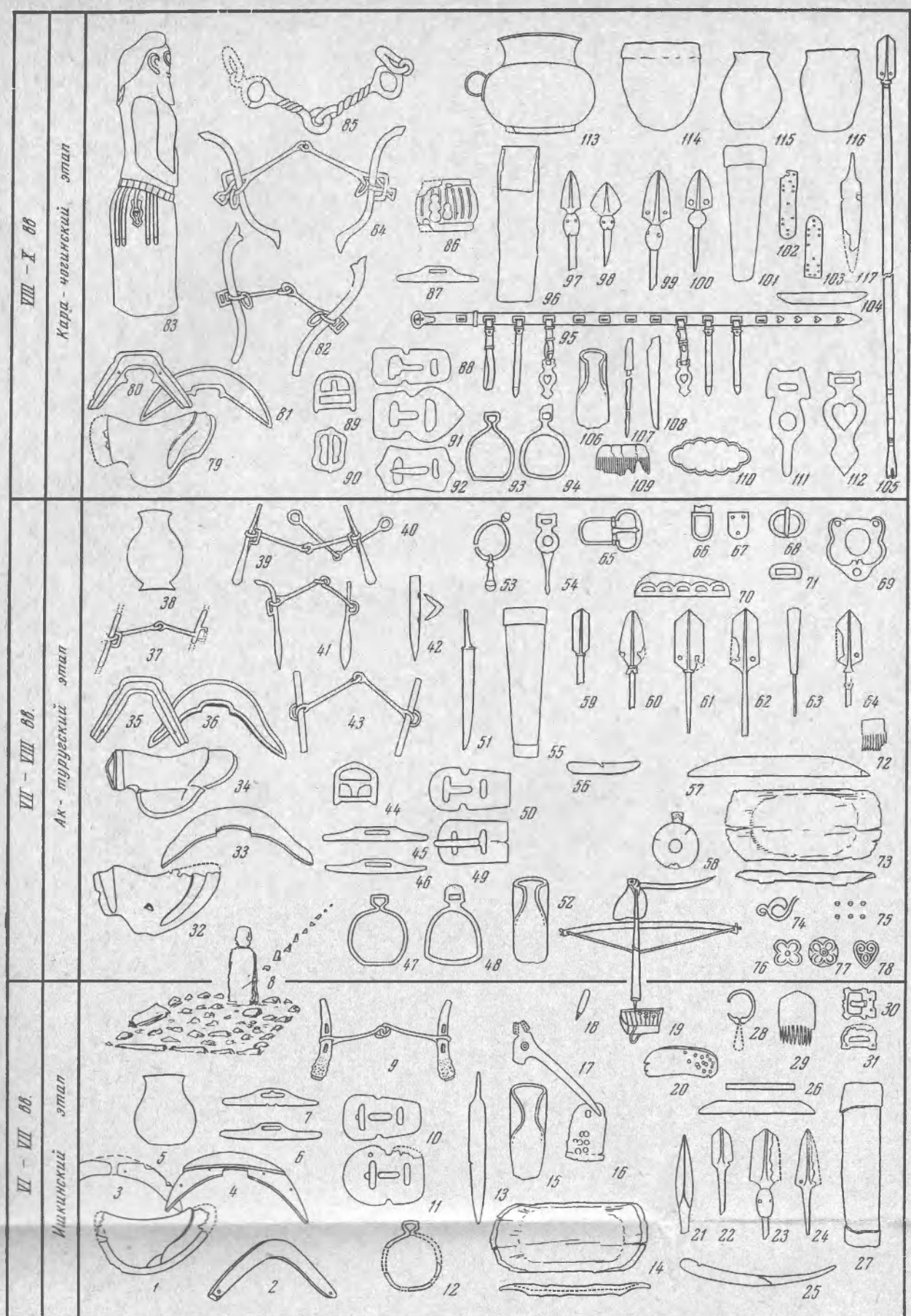

Рис. 10. Этапы развития древнетюркской культуры в Туве. 1—7, 9—31 — из кургана Кокэль № 23 (раскопки автора); 8 — поминальное сооружение — оградка, изваяние и балбалы вблизи пос. Моген — Бурен (по А. Д. Грачу); 19 — инструмент для добывания огня из курганов Кокэль № 13 и 23 (раскопки автора); 32, 39, 40, 47, 49, 52, 55, 56, 57, 58, 59—63 — из кургана Кокэль № 13 (раскопки автора); 33, 50, 54 — из кургана Кокэль № 6 (раскопки автора); 34—36, 38, 51, 73 — из кургана Кокэль № 2 (раскопки автора); 37, 44—46, 65—67, 70 — из кургана Улуг-Хову (№ 1 (54) (раскопки С. А. Теплоухова); 64, 72 — из кургана Бай-Даг № 31 (раскопки С. А. Теплоухова); 48 — из кургана Черби № Б-23 (раскопки автора); 53, 76 — из кургана Ак-Туруг № 5 (раскопки автора); 41, 77, 78 — из кургана Монгун-Тайга № 58-8 (раскопки А. Д. Грача); 43, 68, 69 — из кургана Монгун-Тайга № 58-5 (раскопки А. Д. Грача); 42, 74 — из кургана Монгун-Тайга № 57-37 (раскопки А. Д. Грача); 71, 75 — из кургана Монгун-Тайга № 58-10 (раскопки А. Д. Грача); 79, 91 — из кургана Кокэль № 47 (раскопки автора); 80, 81, 84, 86, 88, 93, 97—99, 101, 105—108, 111, 115 — из кургана Кокэль № 22 (раскопки автора); 82, 87, 90, 94, 109—110, 114, 117 — из кургана Монгун-Тайга № 57-26 (раскопки А. Д. Грача); 89, 100, 102—103, 113 — из кургана Монгун-Тайга № 58-4 (раскопки А. Д. Грача); 112 — из кургана Успенское № 24 (раскопки С. А. Теплоухова); 116 — из кургана Монгун-Тайга № 57-36 (раскопки А. Д. Грача); 83 — каменное изваяние из Шеми (по Л. А. Евтюховой); 85, 92, 95, 96, 104 — из кургана Кара-Чога № 4 (раскопки автора). 1—5, 14, 16, 18, 20, 32—36, 38, 58, 72, 73, 79—81, 86, 115 — дерево; 8, 83 — камень; 19 — дерево и кость; 27, 55, 96, 101 — береста и дерево; 6, 7, 10, 11, 17, 21, 25, 26, 29, 45, 46, 50, 54, 56, 57, 87, 88, 91, 104, 109, 111 — кость; 12, 13, 15, 22, 24, 37, 39—41, 43, 44, 47, 48, 51, 52, 59—63, 68, 82, 84, 85, 89, 90, 93, 94, 102, 103, 106, 108, 114, 117 — железо; 9, 23, 42, 49, 60, 64, 92, 97—100 — кость и железо; 105, 107 — железо и дерево; 28, 65, 67, 71, 76, 102, 112 — бронза; 66 — бронза и кожа; 30, 70 — бронза и железо; 31 — темное органическое вещество; 113 — сплав со значительным содержанием серебра; 53, 69, 77, 78, 110 — золото; 95 — кожа, бронза и железо; 116 — керамика; 74 — орнамент на бересте; 75 — орнамент на кости; 5, 19, 36, 115 — с элементами реконструкции; 66, 67 — лицевая и задняя сторона концевой бляхи; 8 — изваяние находится за пределами оградки, у ее восточной стороны. Между отдельными предметами: масштабного соответствия нет.

SUMMARY

The archaeological investigations led by the author in Touva (Kokel burial site) resulted in the excavation of a group of ancient Turkic burial mounds dating from VI—X centuries A. D. and containing remains of men and horses. Various artifacts, including wooden frames of riding saddles have been found there. The author divides the saddles by their forms into four types (cf. fig. 7) and examines the evolution of their forms in VI—X centuries A. D. among the peoples of Eurasia.

Using an extensive material, the author proves, that a hard saddle with stirrups probably originated first among ancient nomadic Turks and spread to various peoples of Eurasia not earlier VI century A. D. The author draws a conclusion, that information about finds of saddles with a wooden frame and stirrups in times prior to VI century are erroneous. Prior to VI century A. D. the mankind possessed only some individual devices, to facilitate mounting a horse for wounded, sick persons etc. Such devices were situated only at one, namely the left side of horse, as the horse was always mounted from the left. They cannot be considered as stirrups, for they never bore the main function of stirrups, as a foothold during the riding. The form of such metallic devices influenced the shape of stirrups.

The author connects the appearance of ancient Turkic culture in Touva with the expansion of Tügüe Turks and divides this culture, on the base of archaeological complexes from the burials, into three successive stages: 1) Ishkin stage VI—VII centuries; 2) Aqturug stage VII—VIII centuries; 3) Qara — Chogha stage VIII—X centuries (cf. fig. 10).